

GEIR KJETSAA. DOSTOEVSKY AND HIS NEW
TESTAMENT. OSLO, 1984.

Долгое время, пожалуй, с самой смерти писателя, в литературоведении, в философской и богословской публицистике ведутся незатухающие споры об особенностях христианского мировоззрения Достоевского и о формах его отражения в творчестве писателя.

Обращаясь к произведениям писателя, нельзя не поразиться широте спектра христианских идей, затронутых им. Мы находим у него проблемы веры и неверия, веры и сомнения, проблемы христианской любви, свободы, смирения, прощения, проблемы смерти с христианской точки зрения и другие вопросы религиозной морали. В романах писателя есть страницы, посвященные практической стороне религиозной жизни: молитве, подвижничеству, старчеству и даже целые главы внутреннему религиозному опыту /в форме записок старца Зосимы/. Наконец, Достоевский касался религиозно-политических, историко-религиозных проблем, а также вопросов внутрицерковной жизни.

Все это требовало от писателя досконального знания не только Библии, но и специальной богословской литературы. В сохранившейся библиотеке Достоевских по спискам Л.П. Гроссмана, Л.П. Десяткиной, Г.М. Фридлендера содержится около пятисот названий. Из них, по нашим подсчетам, более двадцати процентов носят богословский характер. Достоевский читал Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Фому Кемпийского, святоотеческую литературу, богословов-современников.

Что же касается собственно Нового Завета, то тут лучше привести общеизвестные слова самого писателя: "Я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в се-

мействе нашем знали Евангелие чуть ли не с первого года". Именно эти слова предпосланы в качестве эпиграфа к книге норвежского ученого, профессора Г. Хетсо "Достоевский и его Новый завет" или, точнее, "и его экземпляр Нового Завета".

Книга Г. Хетсо делится на две части. В первой - автор высказывает свои соображения по поводу использования Достоевским отдельных стихов из Нового Завета в своих произведениях, во второй - публикуются все места, подчеркнутые или как-либо помеченные Достоевским в принадлежавшем ему экземпляре Нового Завета.

В первой части автор приводит некоторые важные биографические данные, касающиеся роли именно этого экземпляра Нового Завета в жизни Достоевского, полученного им в 1850 году в Тобольске и сопровождавшем писателя вплоть до смертного часа /с. 6/. Что же касается влияния Нового Завета на творчество писателя, то Г. Хетсо ограничивается анализом двух романов писателя - "Идиот" и "Бесы", причем анализируются такие отрывки, в которых прямо цитируется Новый Завет или его влияние не подлежит никакому сомнению. В частности, отмечается, что при написании романа "Идиот" Достоевский часто использовал Евангелие от Иоанна, в то время, как при писании "Бесов" -- Откровение Святого Иоанна Богослова. Эти два романа Достоевского несут на себе следы не только конкретных текстуальных и сюжетных /князь и Настасья Филипповна -- Христос и блудница/ влияний и заимствований из Евангелия от Иоанна и Откровения, но и нечто более широкое, что можно назвать общим духом произведения. Различия между романами пролегают в той же плоскости и в той же мере, в какой они выявляются при сравнении Евангелия от Иоанна и Откровения. Этот факт говорит о том, что Новый Завет и христианство были неотъемлемыми частями мировоззрения пи-

сателя, внутренне переработанными настолько, что при всей своей насыщенности христианской проблематикой эти романы не воспринимаются как религиозно-дидактические.

В романе "Идиот" особенно много мест, прямо или косвенно связанных с Евангелием от Иоанна. В реальном комментарии к роману в Полном собрании сочинений Достоевского Г.М. Фридендером приводятся источники более тридцати эпизодов, мотивов, носящих христианскую окраску. Книга Г. Хетсо дополняет их не только с фактической стороны, но главным образом со стороны интерпретации. Очень ценны замечания автора о смысле формулы "Красота спасет мир", о совпадении биографических деталей жизни князя Мышкина и Христа, о понимании греха на Западе как нарушении заповеди и у Достоевского /по роману "Идиот"/ как отсутствие сострадания и сочувствия, о сущности трагедии Настасьи Филипповны, как трагедии идолопоклонства перед своим грехом и стыдом, замечания о финале романа как поражении-победе Мышкина.

Анализ новозаветных мотивов в другом романе Достоевского -- "Бесы" -- требует, на наш взгляд, некоторых уточнений, потому, что автором проводятся безоговорочные параллели между некоторыми персонажами романа и Апокалипсиса, отождествление их: напр., первый зверь /Откр. XIII, 1--10/ - Ставрогин, второй зверь /Откр. XIII, 11--18/ - Петр Верховенский, хотя основания для такого сопоставления безусловно имеются. Вместе с тем сравнение некоторых подчеркнутых мест Откровения с отдельными эпизодами романа позволило автору перевести интерпретацию романа из плана социально-политического, лежащего на поверхности и уже многократно подвергавшегося анализу, в план богословский, эсхатологический и даже апокалиптический. Жаль только, что соображения автора несколько отрывочны и не развернуты подробно. Но, очевидно, такая задача в этой книге не ставилась. Преследовавшаяся Г. Хет-

со цель состояла в том, чтобы показать на некоторых, наиболее ярких примерах формы, способы, цели использования Достоевским текстов Нового Завета, и она успешно выполнена.

Во второй части книги приводятся на русском и английском языке все стихи и отдельные слова, подчеркнутые Достоевским в его экземпляре Нового Завета. При этом указываются следующие детали: чем подчеркнуто /карандаш, чернила/, какой чертой, где /в тексте или на полях/, еще какие пометки имеются на полях или в тексте /напр., NB, см., крестик и т.п./, какие слова вписаны Достоевским и т.д.

Такие, казалось бы, формальные сведения тем не менее дают интересные результаты. В Новом Завете всего двадцать семь книг. Из них в двадцати одной сделаны пометки. Вне всякого сомнения преобладающий интерес Достоевского к Евангелию от Иоанна: в нем 58 пометок /в то время как в Евангелии от Марка лишь 2/ и, вообще, интерес к Иоанну Богослову: в его Первом послании, состоящем всего из 5 глав, 6 пометок, в то время как в Евангелии от Луки /24 главы/ лишь одной пометкой больше. По подчеркнутым местам заметно особое внимание Достоевского к Апокалипсису - там отмечено 16 мест. Всего же, таким образом, в книгах Иоанна Богослова мы находим 80 из 179 отчеркиваний. При этом надо учесть, что отмеченные места по объему колеблются от одного до 17 стихов и особенно много объемных пометок в текстах Иоанна Богослова /всего 183 стиха/. Это позволяет Г. Хетсо сделать вывод о восприятии Достоевским христианства глазами Иоанна Богослова.

Автор прослеживает и тематику мест, отчеркнутых Достоевским. Это слова, имеющие биографическое значение для Достоевского, гонения на праведников, признаки приближающегося Страшного Суда, места об очищении и увещания, стихи, послужившие эпиграфами к разным произведениям Достоевского. Нам хотелось бы несколько дополнить этот список. Достоевский

обращал также особое внимание на свидетельства Христа о своем Богосыновстве, на обличения фарисеев, на стихи о любви к Богу и ближнему, о страдании и воскресении, о том, каким надлежит быть священнослужителю.

Можно сказать, что исследователи творчества Достоевского получили ценную и необходимую книгу, которая будет содействовать исследованию спорных проблем, касающихся мировоззрения писателя. Большой фактический материал, который может быть почерпнут из этой книги, предполагает свое осмысление, разработку, интерпретацию. Вместе с тем, как нам представляется, при изучении мировоззрения Достоевского и христианских мотивов в его творчестве было бы неверным считать рецензируемую книгу единственным источником для такой работы, прежде всего потому, что формы использования Достоевским христианской проблематики в своих произведениях очень многообразны. Мы предложили бы следующую их классификацию.

1. Прямые цитаты из Нового Завета.
2. Скрытые цитаты.
3. Перефразирование отдельных евангельских изречений.
4. Истолкования, интерпретации евангельских заповедей.
5. "Подстановка" заповедей в конкретные ситуации, для показа их практической действенности.
6. Сопоставление евангельского и научного подходов к одним и тем же нравственным проблемам.
7. Использование мотивов из земной жизни Христа в биографии своих героев.
8. Использование новозаветных ситуаций, целых эпизодов в сниженном контексте.
9. Использование новозаветной и вообще христианской символики в прямом или пересмысленном значении.
10. Использование какой-либо христианской идеи в качестве главной оси, ядра всего произведения или образа какого-либо героя /напр., "Бесы" -- Апокалипсис; "Идиот" -- Князь Христос/.
11. Отражение личного религиозного опыта, внутренней духовной жизни в плане "практического христианства", как называл его Достоевский.

Безусловно, необходимо обратить внимание на все пометки, сделанные писателем, но можно быть уверенным, что в произведениях его мы найдем еще больше новозаветных и ветхозаветных мотивов, восходящих к неотчеркнутым местам Библии. Христианство не только в общих мировоззренческих чертах, но во всех важнейших подробностях и деталях было переработано в духовном мире писателя, стало частью его личности и потому без всякого напряжения, нередко даже неприметно при поверхностном чтении, отразилось в его художественном творчестве.

В заключение нельзя не сказать и о том, что книга прекрасно с большим вкусом оформлена художником Жаном Палем.

В. Лепяхин

А. Юхас